

ГЛАВА 1

ХОЛЛИ ШЕЛТЕР

«Бог баскетбола», как его будут называть болельщики во всем мире, появился на свет с окровавленным носом, в Бруклине, довольно зябким февральским воскресеньем 1963-го, когда из-за холода от всех люков канализации, разбросанных вокруг госпиталя Камберленд, столбом валил пар. Баскетбольный гуру Ховард Гарфинкел впоследствии с большим удовольствием отметит, что госпиталь стал также местом рождения братьев Альберта и Бернарда Кингов, и этот факт делает его своего рода легендарным местом в городе, всегда высоко чтившем своих знаменитых спортсменов.

Несмотря на эту бруклинскую ауру своего начала, будущая невероятная и чрезвычайно насыщенная жизнь Джордана начала обретать свои первые очертания в совершенно другом месте и гораздо раньше: почти на самом рубеже XIX — XX вв., в месте рождения его прадедушки, на Прибрежной равнине штата Северная Каролина.

В те дни казалось, что смерть повсюду. Ее запах поднимался вверх по течению каждое утро и смешивался с солоноватым воздухом. Чайки кричали подобно Банши, оповещая округу о том, что никто из живущих в этих маленьких труппах даже не посмеет назвать простое выживание чем-то само собой разумеющимся. Вот здесь по-настоящему начинается история жизни Майкла Джордана, в крошечном домике на берегу черноводной реки, прокладывающей себе извилистый путь меж сосновых лесов и болот, где потихоньку гонят самогон, а в воздухе витает какой-то мистический, таинственный дух, его здесь так же много, как и комьев серого мха, свисающих с деревьев.

Год был 1891-й, прошло всего 26 лет после окончания кровопролитной американской Гражданской войны, принесшей в эти земли столько насилия и хаоса. Местечком была деревушка на берегу реки под названием Холли Шелтер, в округе Пендер, что примерно в 30 милях¹ к северо-западу от Уилмингтона, и в 40, если сплавляться по петляющему северо-восточному притоку реки Кейп-Фир, как это часто делали предки Джордана. Предположительно свое название место приобрело после окончания Войны за независимость: холодными зимними ночами солдаты здесь искали укрытие (shelter) от непогоды под падубами (holly tree). Саванна граничит с болотистой местностью, которая в годы рабовладения становилась убежищем для людей другого рода — беглых рабов. Предположительно владельцем одной из крупнейших плантаций региона был белый проповедник из Джорджии по

¹ 1 миля = 1,61 км.

фамилии Джордан. После освобождения многие рабы стали стекаться в Холли Шелтер. «Они обжили болота, — объясняет Уолтер Баннерман, дальний родственник Джордана. — Холли Шелтер была болотом и ничем иным».

Вскоре, впрочем, наступят такие мрачные времена, что значение второго слова в названии селения утратит всякий смысл: убежища тут было уже не найти.

И это стало первым примечательным штрихом в жизни маленького мальчика.

Он родился на свет в типичный для этих мест изнуряюще знойный день в конце июня 1891 г., после того как утихла очередная серия прибрежных штормов, столь часто угрожавших обитателям реки. Коронеры регистрировали поразительное количество случаев мертворожденных детей и детских смертей в этих лачугах, а потому многие семьи зачастую ждали долгие дни, даже недели, прежде чем дать имена своим новорожденным. Этот ребенок, однако, был настоящим живчиком, о чем свидетельствовал пронзительный вопль, которым он будил по ночам свою мать, — много лет спустя его голос, такой же громкий, но уже куда более низкий, бас-профундо, будет сигналом для его вертлявого и суетного шестилетнего правнука Майкла: пора сосредоточиться и начать вести себя смирно.

Внедрение законов Джима Кроу и политики превосходства белых развернулось в Северной Каролине такими свирепыми темпами, что отголоски этой эпохи ощущались еще долгие годы после того, как эти законы канули в Лету. В этом мире привычной окружающей жестокости прадедушка Майкла Джордана жил на грани нищеты, в атмосфере беспощадного расизма. Еще хуже его существование сделала смерть, забиравшая родных и друзей, почти всех подряд, начиная от младенцев и маленьких девочек и кончая крепкими молодыми мужчинами, она не щадила никого из жителей тех прибрежных поселений, хотя большинство умерших только стояли на пороге расцвета своей жизни.

Но все эти кошмары ждали маленького мальчика в будущем. В день его рождения, в июне 1891-го, его 21-летняя мать, Шарлотта Хэнд, пребывала в несколько затрудненном положении, так как не была замужем за отцом мальчика, Диком Джорданом. Само понятие брака было чем-то далеким и незнакомым в этом мире трущоб и бараков, так как законы Северной Каролины долгое время запрещали рабам жениться и выходить замуж, отнимая у них это право наряду с другими привилегиями. Законы штата были крайне жестокими, к примеру, в прошлом они разрешали рабовладельцам наказывать любого непокорного молодого раба кастрацией.

Единственным, на что молодой Доусон Хэнд мог полагаться в те бурные и до крайности неопределенные 90-е гг. XIX столетия, была материнская любовь. Он так и останется единственным ребенком Шарлотты, и они пронесут свою взаимную любовь через многие десятилетия. После рождения Доусона Шарлотта нашла приют в доме родных и растила мальчика, живя сначала вместе с семьей одного своего брата, а потом другого. Большую часть 20 первых лет своей жизни мальчик прожил под именем Доусон Хэнд, оно значилось в его официальных документах. Однако какими бы госте-

приимными ни были братья его матери, пройдет совсем немного времени, прежде чем он подрастет и заметит разительный контраст.

Хэнды были светлокожими настолько, что целый ряд членов семьи мог сойти за белого или индейца, в то время как Джорданы были людьми с кожей темно-шоколадного оттенка. Из всего поколения братьев и кузенов Хэнд лишь один был темнокожим, как расскажут годы спустя члены семьи. Белые Хэнды в округе Пендер были видной семьей рабовладельцев, и их черные отпрыски будут еще долго судачить о том, что белый мужчина из Хэндов наконец признал неудобную правду — что один из чернокожих Хэндов был его брат. Это, возможно, объясняет, почему в подростковые годы мальчик взял фамилию своего отца и в официальных записях стал зваться Доусоном Джорданом.

Доусон вырос в молодого мужчину, которого на первый взгляд мало что роднило с его статным правнуком. Доусон был невысоким — по некоторым данным, ростом всего 5 футов¹ — и коренастым. А еще он был калекой, вынужденным волочить за собой нездоровую ногу в течение своей долгой жизни. Но, как и его правнук, Доусон обладал невероятной физической силой. И был таким же бесстрашным, его отличала непривычная крепость, позволявшая ему в молодости творить такие подвиги, которые еще многие десятки лет будут предметом обсуждения и изучения в его родных краях. Но что более важно, из столкновений со своими врагами Доусон Джордан каким-то образом умудрялся выходить несломленным, непобежденным, и причины этого никак не могли понять последующие поколения семьи.

С точки зрения того, какой исключительной получилась жизнь Майкла Джордана, легко упустить из виду один важный аспект, повлиявший на формирование его характера больше всех прочих: на протяжении большей части периода своего взросления и формирования личности он жил вместе с представителями четырех поколений семьи Джорданов, что уже можно считать большим достижением с учетом того, какие социальные факторы долгие годы угрожали жизни афроамериканских мужчин.

Прадед Дассон, как его часто называли, был авторитетной фигурой в жизни молодого Майкла Джордана. Вся семья в полном составе почти целое десятилетие прожила вместе в фермерском округе Тичи в Северной Каролине. Даже в годы активной автомобилизации и строительства четырехполосных шоссе Доусон Джордан продолжал упорно следовать своей давней привычке — передвигался на повозке, в которую с гордостью запрягал своего мула. Даже будучи глубоким стариком, он привязывал к копытам своего мула мягкие накладки и следил за тем, чтобы ось повозки всегда была хорошенько смазана: так можно было без лишнего шума срываться по ночам за самогоном. В дневное время его правнуки с удовольствием запрыгивали в этот маленький фургон, чтобы добраться до города, а Майкл вместе со старшими братьями иногда развлекался тем, что дразнил боровов, которых старик разводил вплоть до своей смерти в 1977 г., наступившей его спустя всего несколько дней после четырнадцатого дня рождения Майкла.

¹ 1 фут = 0,3048 м.

Тогда юные Джорданы едва ли осознавали, что мул и боровы — по сути, все их воспоминания, связанные с прадедом, — были трофеями, доставшимися ему от славно прожитой жизни. Как объяснял много позже сам Майкл, Доусон Джордан не был из тех людей, с которыми можно было бы поговорить о прошлом или значимости животных в жизни семьи. Но даже случайное упоминание о Доусоне могло вызвать слезы в глазах его знаменитого правнука.

«Он был суровым, — говорил Джордан о своем деде. — Он был таким. Да, именно таким».

РЕКА

Вы начнете слегка улавливать вибрации мира Доусона Джордана, если встанете с утра пораньше и выйдете к северо-восточному притоку Кейп-Фир, что протекает мимо Холли Шелтер. Теперь это место по большей части отдано для сельскохозяйственных нужд и передано заповедникам, но солнечный свет здесь все тот же, каким был раньше: беспощадный и ослепительный большую часть года, он пляшет, отражаясь от воды, и растворяется лишь с наступлением утреннего тумана. Чтобы найти убежище от палящего зноя, вам придется двинуться в глубь территории, минуя заболоченные леса и ручьи, к одиночеству тех мест, что скрывались в тени некогда величественно возвышавшихся здесь девственных болотных сосен.

Доусон Джордан провел здесь свою юность, работая посреди смоляных ям в лесах: он валил последние из оставшихся величественных деревьев, связывал бревна в огромные плоты и спускал их вниз по течению северо-восточного притока Кейп-Фир, направляя на судостроительные верфи Уилмингтона. Работенка явно не для трусов.

Доусон Джордан достиг зрелости почти сразу с началом XX столетия, а тем временем привычный уклад жизни на реке стремительно менялся: последние из оставшихся болотных сосен вырубались, а на смену плотогонам приходила индустрия грузоперевозок. Древняя река и надежно укрывающие ее леса и чащи были определяющими факторами в молодые годы его жизни. Он знал, как охотиться на дичь, освежевать убитую тушу и правильно ее приготовить. Много лет спустя, когда он уже был стариком, владельцы местных охотничьих домиков давали ему работу на кухне, чтобы он готовил вкуснейшие блюда из свежей дичи для постояльцев.

Свою трудовую жизнь Доусон начал в девять лет, сумев убедить людей, проводивших перепись, в том, что ему 11 и он достаточно взрослый, чтобы работать на полях. Он уже умел читать и писать, поскольку посещал местную «общеобразовательную школу для цветных», представлявшую собой одно-единственное классное помещение и частенько закрывавшуюся во время четырех месяцев ежегодного академического курса для того, чтобы ученики могли поработать на полях или близлежащих лесопилках. «Родители рассказывали мне, как трудно было делать кровельную дранку на той лесопилке», — вспоминал Морис Юджин Джордан, дальний родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством. Ученики школы сами доставали хворост и поддерживали огонь в печурке маленького

школьного класса, но тогда это было привычным делом даже для белых детей, учившихся в лучше оборудованных школах.

В те первые десятилетия XX в. никакого электричества там не было, проточная вода, как и водопровод, ценились высоко, а асфальтированные дороги можно было пересчитать по пальцам одной руки. И, что неудивительно, не было никакого среднего класса, а посему все мужчины, белые или черные, целые дни проводили в отчаянных поисках пропитания для себя и своей семьи, трудясь испольтчиками и наемными чернорабочими на землях узкого круга землевладельцев.

Глубинное исследование 1000 семейств, живших фермерством в Северной Каролине, которое провела в 1922 г. коллегия штата по сельскому хозяйству, показало, что испольтчики зарабатывали меньше 30 центов в день, а порой и всего десять, несмотря на многочасовой труд. В докладе также сообщалось, что у большинства испольтчиков не было возможности вырастить какие-либо продукты питания для себя и зачастую им приходилось одалживать деньги, просто чтобы поесть и заплатить по счетам. Порядка 45 тыс. безземельных семейств фермеров жили в кое-как сколоченных одно- и двухкомнатных хибарах без удобств; скрывать многочисленные дыры и трещины в стенах и потолках своих домиков им приходилось газетными листами, ничего больше они позволить себе не могли.

ЛИШЬ У ОДНОЙ ТРЕТИ ИСПОЛТЧИКОВ БЫЛА УБОРНАЯ ВО ДВОРАХ.

Антисанитарные условия были причиной частых заболеваний и высокой смертности среди детей безземельных семейств фермеров, к тому же, сообщалось в докладе, смертность среди чернокожих более чем вдвое превышала аналогичный показатель среди белого населения.

Шарлотта Хэнд и ее сын Доусон каким-то образом сумели выжить в столь незавидных обстоятельствах, отчасти благодаря помощи семьи Хэнд, работавшей на реке и, по всей видимости, обучившей Доусона управлять плотами из сплаваемых бревен; семейные свидетельства и воспоминания местных жителей говорят о том, что он стал опытным и умелым плотогоном в очень молодом возрасте. Было отнюдь не легко связывать огромные тяжелые бревна, а потом сплавливать их по коварной реке, кишевшей змеями, отличавшейся штормовыми волнами и переменчивым течением. Требовалась невероятная физическая сила, чтобы провести цепочку из трех бревенчатых плотов по реке, минуя многочисленные изгибы и повороты. Но каким бы рискованным ни было это занятие, Доусон, без сомнения, любил реку, которая в ту эпоху была главной коммерческой жилой региона.

Молодой Доусон работал вместе со своим кузеном Гэллоуэем Джорданом, тоже калекой. Морис Юджин Джордан, родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством, вспоминал рассказы своего отца, Делмара Джордана, который пересказывал ему байки о похождениях Доусона. «Говорят, он очень здорово умел сплавливать бревна, — вспоминал Морис Юджин Джордан. — У Гэллоуэя была больная нога, как и у Доусона. Они были очень близки».

Северо-восточный приток Кейп-Фир был приливной рекой, и это лишь усложняло задачу плотогонам. Морис объяснял: «Им приходилось внимательно следить за приливами и отливами, которые приходили и уходили, приходили и уходили, меняясь в соответствии с лунными фазами. Если приливные волны были достаточно высокими, они могли продвигаться. Но когда прилив ослабевал, им приходилось привязывать плоты к деревьям и ждать возвращения волн». Ожидание могло занимать долгие часы. «У них были котелки и еда, и, когда прилив прекращался, они привязывали плоты, выбирались на холм и готовили себе что-нибудь поесть».

Работа была тяжелой, опасной, еще с колониальных времен ею занимались разные люди: освобожденные рабы, плотогоны и просто крепкие суровые мужчины, готовые принять этот вызов. Те, кто занимались работой на реках, находились на самой нижней ступени социальной лестницы, им очень скудно платили, зачастую им приходилось довольствоваться несколькими центами в день — столько же получали самые нищие исполщики. И тем не менее Доусон Джордан все же любил работу на реке, ценил независимость, которую она ему давала. В переписях указано, что он был «самозанятым», а не трудился по найму на кого-то. Вдобавок работа регулярно давала ему возможность спускаться вниз по реке к экзотическому порту Уилмингтон, бухты которого всегда были заполнены кораблями и моряками со всего света; разумеется, там было много баров и борделей.

Можно представить в своем воображении Доусона Джордана сто лет назад сидящим на плоту в тихом, спокойном местечке реки в холодную ясную ночь и глядящим на невероятной красоты звезды. Вполне вероятно, что такие ночи на реке под небосводом были единственными мгновениями, когда Доусон мог по-настоящему убежать от своего мира, огромного и часто такого подавляющего. Наверное, это были лучшие моменты жизни прадеда Майкла Джордана.

Десятилетия спустя его правнук отметит, что моменты игры на баскетбольной площадке были его единственным убежищем, теми эпизодами жизни, когда он обретал подлинное умиротворение, они служили своеобразным выходом из мира, который был куда более беспощадным и таил в себе куда больше разочарований, чем мог представить себе любой из миллионов его поклонников и почитателей. Этих двух Джорданов, разделенных десятилетиями века, объединяло очень многое, хотя их положение в этом мире различалось кардинальным образом. Доусон Джордан наверняка по достоинству оценил бы сладкий вкус роскошной жизни своего правнука и променял бы его на многие из своих тяжелых, жестоких дней.

КЛЕМЕНТИНА

В отличие от Майкла, который мог выбирать себе спутницу из множества самых привлекательных и изысканных женщин планеты, низкорослый калека Доусон жил в маленьком, изолированном сообществе вместе с матерью, долгими днями занимаясь опасной работой в лесах и на реке. Он впервые увидел, какой может быть романтика, когда его мать обрела наконец

любовь, повстречав в Холли одного исполнительца. Айзек Килон был на 20 лет старше ее, и, когда они поженились в мае 1913 г., ему было уже далеко за 60. Их счастье, должно быть, натолкнуло Доусона на мысль о собственных перспективах в этой жизни.

Со временем, несмотря на малый шанс на успех, Доусон сумел добиться благоволения к себе со стороны Клементины Бернс. Песня *Oh My Darling, Clementine* («Ах, моя дорогая Клементина»), впервые обретшая безумную популярность в 1884 г., наверняка повлияла на выбор ее родителями имени для девочки. Она была на год старше Доусона и жила с родителями и семьей младшими братьями и сестрами прямо там, в Холли Шелтер. В некотором смысле ее собственные перспективы были такими же туманными, как и его. Ухаживания начались, как и все романтические отношения в те времена, с застенчивых бесед, которые со временем становились длиннее и смелее. Вскоре Доусон влюбился в девушку, что никогда не было пустяковым делом для глубоко эмоциональных по натуре Джорданов.

В конце января 1914 г. они обменялись клятвами верности и начали жить вместе. Спустя примерно восемь месяцев Клеммер, как ее называли, сообщила Доусону о своей беременности, а в апреле 1915 г. она родила в их крошечной хижине сильного и здорового мальчика. Они назвали его Уильямом Эдвардом Джорданом. Есть масса указаний на то, что это событие принесло новоиспеченному отцу невероятную радость.

Если бы только эта радость продлилась немного дольше.

Первые признаки надвигающейся беды появились почти сразу после родов: у молодой мамы началась потливость по ночам, она стала испытывать дискомфорт при мочеиспускании. Потом Клеммер начала харкать кровью. Самым явным симптомом болезни были бугорки, маленькие круглые уплотнения или узелки, проступавшие на костях и мышечных тканях.

«Туберкулез был болезнью черных, — вспоминал Морис Юджин Джордан. — В те времена медицина мало что могла с ней поделать».

Передающаяся воздушно-капельным путем болезнь была крайне заразной, и несмотря на то что Северная Каролина стала одним из первых южных штатов, открывших санаторий для чернокожих в 1899 г., в этом учреждении, существовавшем на частные деньги, насчитывалось лишь десятков коек, а стоимость лечения была заоблачной. Единственной альтернативой для семей была установка белого защитного тента или возведение временного барака во дворах позади домов, в которых заболевшие могли провести свои последние дни, не распространяя инфекцию туберкулеза на других. Медленная смерть близкого человека могла тянуться месяцами или даже годами. Клеммер Джордан обследовалась у доктора на ранних стадиях заболевания, но все равно умерла апрельским утром 1916 г., спустя год после рождения сына.

В те годы молодые вдовцы часто бросали своих детей, это было в порядке вещей. Доусон мог пойти легким путем и оставить мальчика в семье Клеммер, чтобы они растили его сами. У Доусона Джордана точно были варианты в той ситуации. Поскольку Уилмингтон был портовым городом, там всегда было полно возможностей наняться коком на одно из многочисленных судов,

что регулярно заходили в порт и покидали его. Но из публичных записей, оставшихся о его жизни, открывается простая правда: он очень сильно любил свою мать и так же сильно своего подрастающего сына. Об этом говорят его поступки. И его твердая решимость построить семью стала первой крепкой нитью, из которой будет потом соткана история Майкла Джордана.

Несколько месяцев спустя жизнь нанесла Доусону еще один тяжелый удар. Он узнал, что его мать, которой еще не было и 50, умирает от заболевания почек. На Прибрежной равнине смерть была частым гостем, но в 1917-м и 1918 гг. показатели смертности в округе Пендер сначала удвоились, потом утроились, а потом и учетверились, и всему виной пресловутая эпидемия испанского гриппа. Доусон своими глазами видел, как члены семьи Хэнд, а вместе с ними его коллеги и их близкие один за другим умирают в рекордные сроки. За 90 дней сентября — ноября 1917 г. эпидемия выкосила более 13 тыс. жителей Северной Каролины.

Ухудшившееся состояние матери Доусона вынудило ее покинуть дом Айзека Килона и возвратиться к сыну. Мать Доусона приближалась к своей кончине и больше не могла помогать ему заботиться о маленьком сыне, а потому Доусон решил взять в дом иждивенку, молодую женщину Этель Лэйн, у которой была маленькая дочь и которая могла позаботиться как о детях, так и об умирающей Шарлотте. Вскоре после этого внезапно умирает Айзек Килон. Его похоронили, а спустя три месяца почечная болезнь окончательно добила и мать Доусона.

Доусон похоронил Шарлотту Хэнд Килон ниже по течению реки, у моста Баннерман в Холли. Мальчик, всегда мечтавший о семье, теперь остался почти совсем один, если не считать деятельного малыша, путавшегося у него под ногами. Остаток своей жизни отец и сын проведут вместе, будут жить и работать то в одной хижине, то в другой, не покидая маленьких прибрежных селений, и будут напрягать все свои силы, чтобы устоять перед лицом страшной нищеты.

Сохранившиеся свидетельства со временем покажут, что ни один из двух мужчин не нашёл в этой жизни почти ничего, однако жизнь сложилась таким образом, что им все же удалось многое оставить в наследство следующему поколению семьи. Удалось, несмотря на то что в дымке Кейп-Фир таилось и другое наследие, коварное, порой даже сюрреалистичное.

ГЛАВА 2

КРОВАВЫЙ УИЛМИНГТОН

Майкл Джордан и сам довольно часто возвращался в прошлое, к деревенским проселочным дорогам и простым воспоминаниям, оставшимся от побережья Кейп-Фир. Если свернете на восток по трассе I-40 на выезде из Чапел-Хилл, Пидмонт откроет вам дорогу к Прибрежной равнине с ее сочными открытыми полями, обрамленными однообразным сочетанием карликовых сосен и обветшалых сушильных сараев для табака. Вскоре на